

Снегопад усиливался, и к вечеру единственная тропа, ведущая вниз с горы, оказалась полностью заблокирована сугробами. Крупные хлопья кружились в тёплом свете храмовых фонарей, создавая щемящую, но на удивление мирную картину первозданной тишины.

Приняв горячий душ, Янь Пин вышел из своей комнаты, собираясь дойти до трапезной, и столкнулся в переходе с Гу Юанем. Тот стоял, оперевшись на перила открытой галереи, и безучастно наблюдал за падающим снегом.

Гу Юань вздрогнул, стряхивая оцепенение. Скользнув по подошедшему равнодушным взглядом, он опустил взгляд и молча зашагал к столовой. Янь Пин последовал за ним. До самой трапезной они не проронили ни слова.

Он просто слишком устал. В нём не оставалось сил даже на разговоры, а былой неприязни к Янь Пину уже не хватало, чтобы выдавить из себя хоть каплю яда.

Психотерапевт когда-то предупреждал, что это тревожный симптом. Если ни прошлые привязанности, ни застарелая вражда больше не вызывают в душе отклика, человек погружается в глубокую апатию — и это по-настоящему опасно.

Гу Юань и сам понимал ненормальность своего безразличия, но у него попросту не было душевных сил бороться с этой пустотой. Янь Пин же отродясь не заводил разговоры первым, так что они продолжали идти бок о бок в глухом молчании.

Навстречу им, шумно препираясь и толкаясь, ковыляли Чжао У и Цинь Хуань. Заметив впереди идущих, оба мгновенно притихли. Шедший следом Чу Сан недовольно буркнул под нос, недоумевая, почему они застыли на дороге, но друзья словно лишились дара речи.

Первым опомнился Цинь Хуань.

— О боже, Гу Юань! — восторженно взвизгнул он. От этого вопля Чжао У едва не оглох на одно ухо.

Услышав своё имя, Гу Юань нехотя поднял глаза. При виде надвигающегося на него возбуждённого парня он слегка сжал губы, подавляя желание отступить назад.

Цинь Хуань сделал пару шагов и замер, не решаясь подойти ближе. Он сиял. Он стал преданным поклонником Гу Юаня с самого его дебюта — с той самой чистой, восторженной фанатской любовью.

Больше всего ему запомнилась роль Гу Юаня в фантастической драме «Орден». Там он сыграл второстепенного персонажа — хрупкого юношу, безумно любившего музыку и панически боявшегося боли. Суровый и властный отец силой заставил его поступить в военную академию. Чувствительный, не способный сдержать слёз при малейшей ране, курсант быстро стал

всеобщим посмешищем и изгоем. Но во время первой же боевой вылазки именно этот трусливый мальчишка пожертвовал собой, спасая мирных жителей от безжалостного врага.

То, как актёр передал эту эволюцию — от кроткого послушания к робкому бунту против отцовской воли, от растерянности в суровой казарме до глубокой обиды и медленно наползающей мрачной апатии, — вызывало искреннее восхищение. А финальная сцена, где герой, зная, что идёт на верную смерть, уводит за собой карательный отряд, была сыграна просто шедеврально. Одним лишь взглядом Гу Юань показал всю гамму чувств своего персонажа.

Но сильнее всего Цинь Хуаню врезался в память финал. На пороге неизбежной и мучительной гибели истерзанный юноша перестал бояться и чувствовать боль. На смену им пришла простая, детская обида на несправедливость судьбы. Этот безмолвный укор сквозь экран монитора когда-то пронзил сердце Цинь Хуаня.

Мальчик, безумно любивший музыку, боявшийся боли больше всего на свете, мальчик с чистым взглядом, до последней секунды надеялся, что кто-то придёт и спасёт его.

Многие поклонники прохладно отнеслись к дебютной картине актёра, но именно она заставила Цинь Хуаня полюбить талант Гу Юаня раз и навсегда.

— Можно с вами сфотографироваться? — робко спросил Цинь Хуань, сделав шаг навстречу.

Гу Юань лениво скользнул по нему взглядом и едва заметно кивнул в знак согласия.

Стоило сияющему фанату сделать заветный снимок, как Гу Юань, не дожидаясь, пока заговорит Чжао У, вежливо кивнул парням и поспешил скрыться за поворотом коридора.

Только теперь, когда актёр ушёл, друзья заметили стоявшего чуть поодаль Янь Пина. Радость на лице Чжао У мгновенно сменилась настороженностью.

— А ты что здесь забыл? — недружелюбно спросил он.

Как преданные фанаты, они прекрасно помнили все слухи о том, сколько грязи Янь Пин вылил на их кумира в прошлом, а потому инстинктивно ошетинились при виде столичного франта.

Янь Пин лишь окинул Чжао У равнодушным взглядом, на секунду задержавшись на его перевязанной ноге. Он-то думал, что эти недотёпы уже давно спустились с горы и лежат в больнице, а они всё ещё болтались здесь.

— Этот храм — твоя личная собственность? — лениво поинтересовался он.

— Нет, — буркнул Чжао У.

— Ну так и моё присутствие здесь тебя касаться не должно, — отрезал Янь Пин и, обогнув парней, зашёл в трапезную.

Чжао У лишь беззвучно открыл рот от такой наглости. Бросив испепеляющий взгляд в спину удаляющемуся Янь Пину, он, сердито сопя, поковылял следом.

Из всей их компании уехал только Чжун Нань — у него диагностировали сложный перелом руки, поэтому после первой помощи его спешно отправили в городскую больницу на полицейском патруле, пока снегопад окончательно не завалил трассу. Остальные же, отделавшись лёгкими ушибами и царапинами, наотрез отказались спускаться.

В конце концов, они с таким трудом, рискуя шеями, вскарабкались на эту чёртову гору Яньшань! Убраться восвояси прямо сейчас казалось непростительной глупостью.

К тому же Чжао У так и не успел попросить у Бога брака благословения на любовь.

В трапезной подавали исключительно постные блюда, но, к общему удивлению, приготовлено всё было отменно.

Янь Пин наполнил тарелку нехитрыми яствами и устроился у окна. Он неторопливо ел, задумчиво вглядываясь сквозь плотную пелену летящего снега в очертания храмовых построек.

Компания Цинь Хуаня уселась поближе к Гу Юаню, стараясь не слишком мозолить тому глаза. В зале воцарилась относительная тишина, нарушаемая лишь негромким перестуком палочек. Вскоре актёр отставил пустую пиалу и первым покинул помещение.

— Что-то он совсем ничего не съел, — нахмурился Чжао У, провожая кумира взглядом. — Моя кошка и то больше ест.

— А тебе-то какое дело до его аппетита? — хмыкнул Чу Сан, лениво ковыряя рис. Он перевёл взгляд с насупившегося друга на закрывшуюся дверь, и в его голове вдруг сложился пазл. — Погоди-ка... Мы ведь так и не вытрясли из тебя имя той таинственной особы, ради которой ты потащился в горы. Неужели это Гу Юань?! — прищурился он.

Чжао У испуганно зажал ему рот ладонью и покосился на Цинь Хуаня, который как раз наливал себе суп у раздачи.

— Да тише ты! — прошипел он.

— Обалдеть... — вытаращил глаза Чу Сан. — Дружище, ты решил на собственном примере доказать поговорку про жабу и лебедя? Решил замахнуться на недосягаемое?

— Какая ещё жаба?! С чего это вдруг жаба? — оскорбился Чжао У. — Я, между прочим, молод, сказочно богат и чертовски хорош собой! В меня полстолицы влюблено!

— Мечтай больше, — безжалостно обрубил Чу Сан. — Вы с ним рядом смотрите как... да никак не смотрите. Полная несовместимость.

— Слыхал про Ци Цзюня? — подал голос Янь Цзюнь. — Даже этот завидный жених получил от ворот поворот. Так что не трать силы попусту, целее будешь.

Чжао У хотел было возразить, но лишь шумно выдохнул и обиженно пробурчал под нос:

— При чём тут это... Настоящему чувству плевать на условности.

— Погоди-ка, — раздался за его спиной замогильный голос вернувшегося с пиалой супа Цинь Хуаня. — Так ты припёрся к Богу брака, чтобы привязать к себе Гу Юаня?

— Ну да, — на автомате кивнул Чжао У, ещё не почуяв опасности.

Отрезвление пришло слишком поздно. Цинь Хуань с грохотом поставил суп на стол, мёртвой хваткой вцепился в макушку несчастного влюблённого и принялся неистово её трясти:

— Да как у тебя наглости хватило?! Это же мой кумир! Ты покусился на святое, да ещё и меня в сообщники затянул?!

— Пусти! Какое «покусился», у меня искренние чувства! — отбивался Чжао У, пытаясь вырваться.

— Я тебе сейчас покажу «чувства»! А ну повтори, что ты там задумал, паршивец!..

Янь Пин, закончивший к тому времени ужинать, поднялся из-за стола. Проходя мимо бушующей компании, он не удержался и бросил на барахтающегося Чжао У мимолётный взгляд. Ничего личного — просто праздное любопытство человека, пожелавшего воочию увидеть ту самую пресловутую жабу из поговорки.

Покинув трапезную, Янь Пин не спешил возвращаться в свою келью. Он медленно прогуливался по старинным, пахнущим вековым деревьям переходам монастыря.

Буря утихла так же внезапно, как и началась. Небо над головой очистилось, явив взору

россыпь далёких, холодных звёзд, мерцающих на бархатном куполе ночи. Наметённые сугробы слабо светились в темноте.

Миновав несколько поворотов, он оказался во внутреннем дворике, где росло раскидистое тысячелетнее дерево. На его могучих ветвях атели многочисленные ленты, тихо колыхавшиеся под порывами морозного ветра. Знаменитое Древо брака.

Янь Пин подошёл ближе и поднял голову, разглядывая замёрзшие лоскуты ткани. Дерево любви... На деле же его ветви ломились под тяжестью людских страстей, глупых обид и суетных желаний.

Он обернулся и посмотрел на темнеющую неподалёку колонну у дверей настоятеля, выкрашенную в густо-красный цвет.

Этот храм возводили ради спасения душ, молились здесь богам и буддам, но просили лишь об утишении собственного эгоизма.

Янь Пин криво усмехнулся, развернулся и зашагал прочь. На ходу он достал из кармана телефон и набрал знакомый номер.

Ночь окончательно вступила в свои права. Ветер улегся, оставив после себя оглушительную тишину. Вдруг со стороны гостевых комнат донёсся едва слышный скрип приоткрывшейся двери. Тёмный силуэт бесшумно выскользнул наружу. Чжао У, сильно хромая и оставляя на свежем, толщиной в ладонь, снегу неровные глубокие следы, медленно двинулся вперёд. Спустя четверть часа он наконец добрался до заветного места.

Оказавшись под сенью величавого дерева, парень опасливо огляделся по сторонам. Убедившись, что вокруг нет ни души, он облегчённо перевёл дух.

Всё из-за этого бешеного фаната Цинь Хуаня! Стоило тому узнать, к кому именно Чжао У воспылал нежными чувствами, как он костями лёг, лишь бы не пустить друга к заветному дереву. Пришлось пробираться сюда тайком, глубокой ночью.

Ковыляя и кряхтя от боли в колене, Чжао У с трудом дотянулся до нижней ветки и завязал заранее припасённую алую ленту. Затем, набожно сложив ладони перед грудью, он зажмурился и зашептал слова молитвы. Закончив ритуал, он уже собирался уходить, как вдруг в тишине отчётливо раздался скрип дверных петель.

От испуга у Чжао У подкосились ноги. Не помня себя, он нырнул за могучий ствол исполинского дерева, благо его обхвата с лихвой хватало, чтобы надёжно спрятать незваного гостя.

Прильнув к трещине в коре, он разглядел вышедшего на улицу человека. Это был настоятель

храма. В Чжао У проснулись остатки стыда: очень не хотелось, чтобы уважаемый монах застукал его за ночным гаданием на любовь. Парень решил затаиться и переждать.

Однако настоятель не спешил уходить. Он подошёл к той самой тёмно-красной опорной колонне у входа и остановился.

— Нань Цяо, — тихо позвал монах. Его немолодой, слегка хрипловатый голос звучал на удивление мягко и умиротворяюще.

Но то, как настоятель смотрел на деревянный столб, заставило Чжао У похолодеть. В этом взгляде не было безразличия к неодушевлённому предмету — мужчина глядел на колонну так, словно перед ним стоял живой человек. Монах принялся негромко рассказывать столбу о монастырских делах, перемежая речь воспоминаниями прошлых лет. У Чжао У по спине побежали мурашки. В голове мгновенно всплыли жуткие городские легенды о замурованных в стены трупах и монастырских тайнах.

«Только бы не нашёл, только бы не заметил!» — в панике думал парень.

Он попытался вжаться в землю и присел пониже, надеясь слиться с тенями. И надо же было случиться такому несчастью: именно в этот момент с ветки над его головой сорвался тяжёлый ком мокрого снега и преаккуратно шлёпнулся ему прямо за шиворот.

От ледяного прикосновения Чжао У невольно вскрикнул. Спohватившись, он судорожно зажал рот ладонью и, вспомнив избитый приём из шпионских боевиков, торопливо выдавил из себя жалобное:

— Мяу... Мяу...

Какое-то время вокруг царил мёртвая тишина. Решив, что глупая уловка сработала, Чжао У медленно, со всеми предосторожностями поднял голову.

И чуть не лишился чувств: прямо перед его лицом, едва не касаясь носом, неподвижно стоял настоятель. На его лице играла кроткая, застывшая улыбка.

— Что же ты тут делаешь, дитя моё? — ласково спросил монах.

— Да вот... Дереву брака поклоняюсь! — заикаясь, выдавил Чжао У.

Он попытался непринуждённо подняться и бочком двинуться в сторону жилых корпусов. Заметив боковым зрением, что настоятель неторопливо следует за ним, парень не выдержал и припустил во всю прыть. В его представлении молодой городской парень легко мог дать фору пожилому служителю культа.

Увы, он не учёл двух вещей: собственной травмированной ноги и превосходной физической формы настоятеля, который вставал на рассвете и проводил дни в трудах, в отличие от изнеженного столичного бездельника.

Не успел Чжао У пробежать и тридцати метров, как монах бесшумно вырос прямо у него на пути.

Только теперь до Чжао У дошёл весь ужас ситуации. Паника накрыла его с головой, и он завопил во всё горло:

— Помогите! Убивают! Цинь Хуань! Янь Цзюнь! Чу Сан, на помощь...

Договорить он не успел. Раздался глухой удар, и сознание Чжао У мгновенно угасло. Он мешком рухнул на примятый снег.

Настоятель, сжимая в руке окровавленный булыжник, обвёл пустынный двор остекленевшим взглядом. Не обнаружив свидетелей, он быстро схватил обмякшее тело за подмышки и поволок в темноту.

Тем временем в гостевом корпусе заворочался Чу Сан. Сон у него был чуткий. Сквозь дрему ему показалось, будто кто-то истошно звал на помощь голосом Чжао У.

«Наверное, перенервничал за день, вот всякая чертовщина и чудится», — лениво подумал он и, повернувшись на другой бок, снова заснул.

Но в дальнем крыле монастыря Янь Пин внезапно открыл глаза. В его взгляде не было ни капли сонной одури — разум работал чётко и холодно.

Быстро одевшись, он выскользнул наружу и направился к покоям настоятеля. Пустая комната и свежие, смазанные следы волочения на снегу рассказали ему обо всём яснее любых слов.

Янь Пин мысленно выругался. Способность этих идиотов влипать в неприятности превосходила любые разумные границы. Он ведь уже обо всём позаботился: полиция должна была подняться на гору завтра на рассвете, как только расчистят дорогу. Но нет, этим придуркам обязательно нужно было устроить катастрофу посреди ночи!

Смирившись с неизбежным, он рванулся по следу в метель.

Тем временем на крутом склоне горы Гу Юань отчаянно жалел о содеянном. Какого чёрта его понесло ночью на вершину любоваться зимними пейзажами из-за чёртовой бессонницы? Не сделай он этой глупости, не наткнулся бы на настоятеля, волокущего бездыханное тело.

С его никуда не годным здоровьем убежать от преследователя было нереально. В панике Гу Юань не нашёл ничего лучше, кроме как обхватить раненого Чжао У и вместе с ним покатиться вниз по заснеженному, относительно пологому склону ущелья.

<http://bllate.org/book/18369/1866335>